

На правах рукописи

Хачукаева Малика Яхьяевна

**ВОКАТИВЫ В НАХСКО-ДАГЕСТАНСКОМ
СЕМЕЙНОМ ДИСКУРСЕ**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Майкоп — 2026

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном
образовательном учреждении высшего образования
«Дагестанский государственный педагогический университет
им. Р. Гамзатова»

Научный руководитель: **Халидова Рашидат Шахрудиновна,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Муталов Расул Османович,**
доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела кавказских
языков ФГБУН Института языкознания РАН;

Маллаева Зулайхат Магомедовна,
доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела
грамматических исследований дагестанских
языков Института языка, литературы и
искусства им. Г. Цадасы ФГБУН Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
университет» (г. Махачкала)**

Защита состоится «27» ноября 2026 г. в 14.00 часов на заседании
диссертационного совета по филологическим наукам 24.2.267.03 при ФГБОУ ВО
«Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика
Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д. А.
Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу:
385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, а также на сайте
университета <https://adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/8245/>

Автореферат разослан « » _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современной лингвистике имеется большое количество трудов, посвященных исследованию обращений (вокативов, апеллятивов) с точки зрения различных подходов, учений и теорий. Такой усиленный интерес именно к обращениям можно объяснить тем обстоятельством, что все виды вокативов являются важными (возможно, что и главными) единицами речевого акта. В нашем исследовании предпринята попытка – дать анализ обращений, используемых в нахско-дагестанских языках, бытовом общении членов семьи и родственников между собой.

Постоянно растущий интерес к социолингвистическим, этнолингвистическим и психолингвистическим проблемам обусловил появление целого ряда исследований, в том числе и фундаментальных, посвященных разговорной речи и различного рода дискурсам, в которых проблема обращения занимает ведущее место. Этим фактором объясняется **актуальность** данного исследования.

Актуальность исследования обусловлена еще и тем, что анализ формул речевого этикета может предоставить такой материал, который явится дополнительным подтверждением того, что язык наряду с функцией межличностного общения выполняет еще не менее важную функцию репрезентанта этнической культуры и является воплощением этнической субъективности.

Обращения, применяемые в общении членов семьи между собой, не получили в кавказоведении удовлетворительного освещения с точки зрения прагматического значения. Недостаточная изученность речевого этикета внутрисемейного общения, необходимость детального исследования национальной специфики языковых средств, используемых в семейном дискурсе носителей нахско-дагестанских языков, также обуславливает актуальность исследования.

Объект исследования – речевые формулы, используемые в общении между членами семьи и близкими родственниками в функции обращения.

Предметом исследования стали коммуникативные функции обращений, используемых в бытовом дискурсе нахско-дагестанских языков и их прагматический и семантический потенциал.

Наша диссертация преследует **цель** – выявить общие и этноспецифические особенности в коммуникативной реализации обращений, применяемых в нахско-дагестанских языках в общении членов семьи между собой.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие исследовательские **задачи**:

1) представить семантический анализ речевых формул, используемых в общении между членами семьи и близкими родственниками в функции обращений;

2) дать анализ коммуникативно-прагматических функций эмоционально-оценочных обращений, используемых во внутрисемейном общении;

3) определить иллокутивные функции благопожеланий и злопожеланий, используемых в качестве обращений;

4) установить особенности вокативных употреблений терминов родства во внутрисемейном общении и за пределами семьи;

5) очертить отличительные признаки этикетных формул в нахско-дагестанском языковом сознании и коммуникативном поведении.

Научная новизна проведенного в данной диссертации исследования состоит в том, что сравнительному анализу подвергаются нахско-дагестанские вокативы, используемые в общении членов семьи между собой.

Впервые в лингвистическом кавказоведении посредством прагматического и семантического анализа исследуется иллокутивная сила нахско-дагестанских вокативов семейного дискурса.

На материале дагестанских и нахских языков проблема выявления общих и этнокультурных особенностей в коммуникативной реализации вокативов, функционирующих в рамках семейного дискурса, рассматривается впервые, что также обуславливает научную новизну данной диссертации.

Степень изученности темы. Несмотря на то, что универсальные и уникальные характеристики вокативов семейного дискурса представляют научный интерес не только для лингвистов, но и этнографов, культурологов, фольклористов, специальных исследований, посвященных различным аспектам реализации основных коммуникативных функций обращения в нахско-дагестанских языках, еще не проводилось. Различные аспекты исследуемых проблем отражены в трудах И. Ю. Алироева [1975; 1978; 1990], в монографиях А.С. Куркиева [1979], А.Г. Мациева [1973], в статьях Н.В. Джавахадзе [1968], А.Д. Вагапова [2006], Р.О. Муталова [2022; 2023] в диссертациях Э.Г. Оздоевой [2007] и Б.А. Шавхелишвили [1978] и др.

Для решения поставленной цели и задач применялись следующие **методы исследования**: общенаучный метод непосредственного наблюдения за речевой практикой носителей исследуемых языков, описательный, структурно-семантический, прагматический методы, а также метод компонентного анализа.

Гипотеза исследования заключается в том, что сравнительный анализ вокативов во внутрисемейном общении носителей дагестанских и нахских языков выявит признаки внутринациональных типов речевой культуры, обусловленные спецификой национального менталитета.

Теоретической базой диссертационного исследования является прагмалингвистический подход к исследованию языка, представленный следующими трудами зарубежных и отечественных ученых: Дж. Остина [Austin 1962], Дж. Серля [Searle 1986], А. Вежбицкой [1997], В.И. Карасика [1992; 2004]; в области теории речевых актов: М. Гейса [Geis 1995], Г.Г. Почепцова [1981; 1986]; в области семантического подхода к исследованию

вокативов: Б.А. Серебренникова [1982], Ю.Н. Караулова [1987], В.Е. Гольдина [1987 и др.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что выводы и наблюдения, систематизированные в работе, будут способствовать дальнейшему изучению современной вокативной лексики нахско-дагестанских языков, обслуживающей семейный дискурс, и позволят расширить наши представления о нравах, мировоззрении, культуре и обычаях народов – носителей этих языков.

Исследование структуры терминов родства и передачи ими различных референтных взаимоотношений, их историко-генетический и функционально-семантический анализ представляют интерес не только для лингвистики, но и других смежных с лингвистикой наук.

Практическая ценность исследования определяется возможностью использования полученных данных диссертации в дальнейшем изучении различных средств адресации в сфере семейного дискурса. В практике вузовского преподавания работа может быть использована при разработке лекционных курсов по смежным с лингвистикой наукам и спецкурсов по лексической типологии.

В представленной работе проводится исследование различного рода обращений, применяемых во внутрисемейном общении носителей дагестанских и нахских языков, с точки зрения прагматической лингвистики, которая рассматривает дискурс как совокупность функционально организованных единиц «языка в употреблении».

Предшественниками дискурсивного анализа по праву считаются американская этнолингвистика и чешская лингвистическая школа.

Семейный дискурс представляет собой неинституциональный дискурс. Как известно, все типы дискурсов делятся на две большие группы: институциональный и неинституциональный дискурсы. В.И. Карасик характеризует все институциональные дискурсы «как дискурсы, отражающие специфику соответствующего социального института, общение в которых является неотъемлемой частью их организации» [Карасик 2004, с. 278].

Неинституциональный дискурс представлен двумя разновидностями: бытийным и бытовым дискурсами. Несмотря на близость этих терминов, они принципиально различаются. Бытовой дискурс – это общение (неофициальное) в быту. Семейный дискурс является частью бытового дискурса.

Бытийный дискурс характерен исключительно для текстов художественных произведений всех жанров.

Институциональный дискурс представлен большим количеством дискурсов, число которых в каждом конкретном обществе зависит от количества социальных институтов в обществе.

В основе выделения институционального дискурса лежат два системообразующих признака: цель и участники общения. Участники политического дискурса – это политик, выдвигающийся на определенную

должность в системе власти, и избиратель; участники педагогического дискурса – учитель и ученик; участники медицинского дискурса – врач и пациент; участники религиозного дискурса – священнослужитель и прихожанин; участники спортивного дискурса – спортсмены и болельщики и т. д.

В современных лингвистических исследованиях выделяют два подхода к анализу институционального дискурса: дескриптивный и критический. Дескриптивный подход направлен на исследование речевого поведения коммуникантов в рамках определенного социального института (его лингвистических средств, риторических приемов и языковых стратегий), а также на анализ содержательной стороны институционального общения. Критический подход нацелен на выявление и изучение социального неравенства, выраженного в дискурсе. Следует отметить, что на сегодняшний день данное направление не получило должного развития в отечественной лингвистике.

Как отмечалось выше, семейный дискурс не относится к институциональному дискурсу. Участники семейного дискурса – все члены семьи: родители, дети, родственники. Репрезентируется семейный дискурс, как правило, через устную речь, реже – письменную.

Материалом исследования послужили данные лексикографических источников, а также образцы разговорной речи, полученные путем эликации у носителей нахских и дагестанских языков. В работе также используются примеры, рассмотренные при обсуждении аналогичных вопросов в цитируемой литературе. Исследование базируется на иллюстративном материале шести языков нахско-дагестанской группы. Из более тридцати дагестанских языков для исследования привлечен материал пяти литературных языков, которые располагают письменными традициями: аварского, даргинского, лакского, лезгинского и табасаранского. Из трех нахских языков привлечен материал чеченского языка. Иногда для сравнения привлекается материал ингушского и бацбийского языков.

На защиту выносятся следующие основные положения диссертации:

1. Речевой этикет семейного общения базируется на таких универсальных общечеловеческих моральных и этических ценностях, как взаимное уважение, почитание старших, оберегание младших и т. д. В то же время каждый этнос структурирует семейный дискурс по-своему. Выбор речевых формул при внутрисемейном общении и манеры семейного общения носят национально-специфический характер, обусловленный как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

2. Внутреннее устройство нахского и дагестанского обществ основано на патриархальных отношениях с безусловным главенством мужчины, на приоритете старших членов семьи и прежде всего мужского пола. Эмоциональная сдержанность и безусловная вежливость являются основой, на

которой зиждется семейное общение у нахско-дагестанских народов, и показателем внутренней культуры.

3. В семейном дискурсе исследуемых языков реализуются две основные, одна второстепенная и множество ситуативных функций обращений. К двум основным коммуникативным функциям обращений относятся вокативная и характеризующая. Социально-регулятивная функция представлена гораздо реже и носит второстепенный характер.

4. Существует множество факторов, влияющих на дифференцированное применение обращений в семейном дискурсе. Прежде всего, это: а) характер взаимоотношений коммуникантов; б) статус коммуникантов в семейной иерархии; в) обычаи и нормы отдельно взятой семьи; г) традиции и условности лингвокультуры в целом.

5. Термины родства – апеллятивы – нейтральны по своим оценочно-характеризующим показателям и выполняют главным образом вокативную функцию. Иллокутивная цель терминов родства совпадает с интенцией высказывания. Словообразовательные модели терминов родства во всех исследуемых языках являются едиными.

6. Использование антропонимов в вокативной функции представляет собой языковую универсалию. Фреквенталией является способность антропонимов образовывать от полного имени уменьшительно-ласкательную форму. Гипокористические антропонимы применяются преимущественно для поддержания позитивного контакта.

7. Личные имена в исследуемых языках могут выступать в базовых типах обращений вне зависимости от прагматических условий. В сочетании с диминутивными и гипокористическими суффиксами имя собственное придает соответствующему обращению дополнительный вокативный вес. При использовании личного имени в функции привлечения внимания оно всегда во всех исследуемых языках занимает препозицию. Препозитивное положение личного имени в качестве вокатива выполняет функцию привлечения внимания. В функции поддержания контакта имя собственное занимает постпозицию.

8. Применение пейоративно-коннотативной лексики исключается при обращении детей к родителям, младших к старшим, женщин к мужчинам. Семейный этикет всех исследуемых языков порицает такое применение пейоративов.

9. Притяжательные местоимения в нахско-дагестанских языках относятся к специальным маркерам вежливости, которые следует применять для достижения запланированного перлокутивного эффекта. Использование притяжательных местоимений, как и других специальных «вокативизирующих средств», позволяет существенно расширить возможности лексем с низким вокативным потенциалом. Кроме того, притяжательные местоимения в сочетании с терминами родства компенсируют отсутствие в нахско-

дагестанских языках уменьшительно-ласкательных суффиксов и довольно ограниченный набор политесных слов.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были апробированы на заседаниях кафедры дагестанских языков Дагестанского государственного педагогического университета, в докладах на научных конференциях различных уровней: V Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы лингвистики и языкового образования» с международным участием, посвященная памяти докторов филологических наук, профессоров Рамазана Ибрагимовича Гусейнова и Магомеда Гамзатовича Исаева (Махачкала, 2017); V Международный симпозиум лингвистов-кавказоведов, посвященный 120-летию со дня рождения академика Арнольда Степановича Чикобава (Тбилиси, 2018); I Международная научная конференция «Языки и культуры народов России и мира» (Махачкала, 2019); Международная научно-практическая конференция «Сохранение и развитие языкового наследия в поликультурной образовательной среде» (Майкоп, 2021); Межвузовская студенческая научно-практическая конференция «Наука молодых: актуальные вопросы филологии» (Махачкала, 2024); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, посвященная 75-летию Адилова Ашурали Гаджибалаевича «Родные языки: проблемы и перспективы развития» (Махачкала, 2024).

По теме исследования опубликовано шестнадцать статей. Из них четыре статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной научной литературы и списка условных сокращений.

Объем диссертации – 175 страниц компьютерного набора.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, формулируются объект, предмет, цель, задачи и гипотеза исследования, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, определяется степень изученности темы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов, формулируются положения, выносимые на защиту, описываются используемые в диссертации приемы и методы исследования, содержатся сведения об апробации диссертации.

В первой главе «**Теоретические основы изучения обращения в свете прагмалингвистического подхода**», состоящей из четырех разделов, раскрывается история вопроса, предпринята попытка определиться с понятиями и терминами, применяемыми в работе, приводятся различные

трактовки термина «дискурс», приводятся основные подходы к его пониманию, освещается проблема различия дискурса и текста.

В разделе 1.1. – «Понятие и термин дискурс» – исследуется один из активно дискутируемых вопросов прагмалингвистики – проблема конкретизации термина и понятия «дискурс». Прежде чем приступить к исследованию семейного дискурса, предпринята попытка определиться с понятием и термином «дискурс», выявить и описать присущие ему характерные черты.

Термин «дискурс» происходит от французского слова *discours* (восходит к латинскому полисеманту *discursus* «рассуждение», «беседа, разговор», «довод», «бегание взад-вперед», «движение», «круговорот»). Это один из наиболее дискутируемых и неоднозначно трактуемых терминов современной лингвистики.

Во второй половине XX века в англоязычной, затем и во франкоязычной среде распространился новый в языкознании термин «дискурс». Со временем термин «дискурс» получил широкое применение в целом ряде гуманитарных наук: в лингвистике, в смежных науках (лингвокультуре, этнокультуре, социолингвистике), в философии, семиотике, этнологии, антропологии, психолингвистике, когнитивной психологии и в литературоведении как многозначное и многофакторное понятие.

Преобладающее большинство языковых единиц (фонем, морфем и лексем) существует в готовом виде и воспроизводится автоматически в процессе речевого взаимодействия. В отличие от этих (низших) языковых единиц, дискурс не существует в готовом виде. Любой дискурс, как правило, не воспроизводится подобно низшим языковым единицам, а создается в речи.

В настоящее время дискурсивный анализ представляет собой хотя и междисциплинарное, но вполне самостоятельное научное направление со своим предметом и методами исследования. Имеются специальные журналы *Text* и *Discourse Processes*, посвященные исследованию дискурса с точки зрения психологии, социологии и других смежных дисциплин, в которых рассматриваются актуальные проблемы анализа дискурса. *Discourse Processes* («Дискурсивные процессы») – рецензируемый академический междисциплинарный журнал, который выходит каждые два месяца. *Text* – международный электронный реферируемый журнал, публикуемый дважды в год. Издается *Australasian Association of Writing Programs* (Австралийская ассоциация писательских программ) [<http://www.aawp.org.au/>]. В настоящее время больше всего дискурсивных исследований проводится в США. Здесь находятся известные центры дискурсивных исследований: университет Калифорнии в Санта-Барбаре, университет Калифорнии в Лос-Анджелесе, университет Орегона в Юджине и Джорджтаунский университет. В Европе наиболее известным центром дискурсивных исследований является Амстердамский университет.

Семейный дискурс представляет собой совокупность текстов, имеющих отношение к сфере семейных отношений. Семейный дискурс репрезентируется, как правило, через устную речь. Тема семейного дискурса всегда ограничена строгими рамками и не выходит за пределы семьи и семейных отношений. Среди всех типов дискурсов исследуемый в данной работе семейный дискурс является наиболее приближенным к разговорной речи.

В разделе 1.2. – «*История изучения вопроса*» – содержится краткий обзор научных трудов, в которых в том или ином аспекте исследуются термины родства и свойства в нахско-дагестанских языках. Во всех нахско-дагестанских языках базовые термины кровного родства, такие как *мать, отец, бабушка, дедушка, сын, дочь, брат, сестра*, составляют наиболее древний пласт лексики. Сравнительно-сопоставительный анализ терминов родства позволяет обнаружить исконный фонд и определить, что исследуемые термины представляют определенное единство. Едиными являются также словообразовательные модели терминов родства.

В разделе 1.3. – «*Обращение, как языковая единица*» – исследуются факторы, влияющие на иллокутивную силу обращения. В зависимости от тональности обращения, его семантическая оценочность проявляется в пейоративной, мелиоративной и нейтральной оценках. Обращение, выраженное одной и той же лексической единицей, в зависимости от тона высказывания может выражать различную семантическую оценочность и обладать различной иллокутивной силой. Иллокутивная сила обращения зависит также от позиции обращения в высказывании.

Выявляется зависимость между той или иной (основной или дополнительной) функцией, выполняемой обращением в речевом акте, и соотношением между иллокутивной силой обращения и интенциональностью всего высказывания. Отмечается необходимость соответствия иллокутивной силы обращения общей интенциональности, чтобы высказывание было эффективным и понятным.

В разделе 1.4. – «*Функции обращения в речевом акте*» – исследуются разнообразные коммуникативные функции, выполняемые обращениями в речевом акте. Обращения выполняют в речевом акте, в зависимости от типа общения, целый ряд разнообразных коммуникативных функций. Большинство исследователей выделяют три основные функции: вокативную, характеризующую, социально-регулятивную и множество дополнительных ситуативных функций. Функции, выполняемые обращением в процессе речевого акта, зависят, в основном, от двух взаимосвязанных и взаимозависимых факторов: от иллокутивной силы обращения и интенциональности высказывания, вернее от соотношения между этими двумя факторами.

Эмоционально-оценочный характер обращений позволяет им не только выполнять функции прагматического оператора, но и указывать на отношение адресанта к адресату. Обращения, обслуживающие семейный дискурс,

репрезентируют различные оттенки оценочности: гипокористический оттенок, одобрение, неодобрение, иронию, жалость, нежность, презрение. Вокативы, применяемые в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков, не выражают фамильярность. В семейном дискурсе используются также обращения, не наделенные эмоционально-оценочным характером. Такие обращения, не содержащие в себе ярко выраженной семантической оценки, составляют группу нейтральных обращений.

Во второй главе «**Термины родства в функции вокативов**», состоящей из трех разделов, исследуются названия лиц по степени родства, применяемые в семейном дискурсе в качестве средств адресации. В разделе 2.1. – «*Термины родства в функции средств адресации в семейном дискурсе*» – исследуются вокативы, применяемые в коммуникации супругов между собой; в коммуникации детей и родителей и в коммуникации ближайших родственников между собой. Сфера функционирования семейного дискурса ограничена рамками бытовой коммуникации, что предполагает исключительно общение между членами семьи. В общении супругов друг с другом употребление терминов чеч.: *майра*, *мар*; инг.: *мар*; бацб.: *мар*; авар.: *росс*, *бетлергъанчи*; дарг.: *мургул* (муг.; хайд.), *муръул* (урах.), *мурул* (акуш.), *тлуб* (кубач.), *амарсар* (мекег., губд., мурег.), *адме* (чираг.), *адими* (урк., кубач.); лак.: *лас*; лезг.: *итим*, *гъувл*; таб.: *жилир*, *жилур* «муж», «супруг» в вокативной функции достаточно ограничено. Употребление терминов чеч.: *зуда*, инг.: *сесаг*; бацб.: *пстлу*; авар.: *лълъади*, *чIчIужу*; дарг.: *хъунул* (акуш., урах., губд., мурег.), *хъхъунул* (нац., щук.) *хъулун* (хайд.), *хъхъаде* (чираг., амух.); лак.: *щар*, *щарсса*; лезг.: *паб*; таб.: *хпир* «жена», «супруга» в вокативной функции возможно в зависимости от обстоятельств.

В ингушском языке при обращении к мужу жена употребляет вокатив *къонах* «настоящий мужчина», муж, обращаясь к жене, употребляет вокатив *сесаг* «женщина». В ингушском языке функционирует термин *нейц*, обозначающий мужей всех женщин рода, который содержит отпечаток родовых отношений.

Традиционное обращение мужа к жене и жены к мужу в чеченском семейном дискурсе – это сочетание вокативного междометия *хлей*, *хезий хъуна* «эй, ты слышишь». Муж обращается к жене также, используя вокатив *зуда* «жена, женщина»: *Зуда, хи дан суна!* «Жена (женщина), принеси мне воды!». Жена также может обращаться к мужу, употребив обращение *стаг* «мужчина, человек»: *Стаг, гIо де суна!* «Мужчина («человек»), помоги мне!» или: *ГIо де суна, стаг!* «Помоги мне, мужчина (человек)!».

Такие обращения не характерны для дагестанских языков, исключение составляет лакский язык. Лакский речевой этикет допускает использование термина *щарсса* «жена», «супруга» в вокативной функции при обращении мужа к жене. При таком употреблении слово *щарсса* «жена», «супруга» стоит в форме устаревшего вокативного падежа – *щарссай*: *Щарссай, дачу шардай!* «Жена, иди домой!». Особенностью лакского речевого этикета является и

употребление такого обращения к супруге как: *ххирей* «дорогая», «любимая» в присутствии посторонних. Вокатив *лас* «муж» в лакском языке употребляется часто в сочетании с притяжательным местоимением *ттул лас* «мой муж», *ттул ххирасса лас* «мой дорогой муж», *ттул абзизсса лас* «мой любимый (дорогой, милый) муж». Такие обращения не характерны для других дагестанских языков.

В лезгинском языке наиболее распространенным является обращение жены к мужу: *я да* «эй, парень», *я итим* «эй, мужчина». В некоторых говорах лезгинского языка встречается вокатив *кьери* «старик». Жена к мужу никогда не обратится словом *гъувл* «муж», на это употребление по сей день, действует строгое табу. Термин *наб* «жена» в качестве вокатива функционирует, как правило, в сочетании с вокативным междометием *я* «эй»: *я наб* «эй, жена». Имеются и другие формы обращения, выбор которых зависит от ситуации, например: *я руш* «эй, девушка», как правило, в присутствии посторонних людей; *я джан* «душа моя», *я рикI* «сердце мое» в присутствии очень близких людей, чаще – в отсутствии свидетелей.

В табасаранском языке традиционное обращение мужа к жене – это сочетание вокативного междометия *я* «эй» и слова *риш* «девочка»: *я риш* «эй, девочка».

Обращение детей младшего возраста и взрослых детей к своим родителям выявляет существенные различия и в разных культурах оказывается различным. В дискурсе родителей и детей в функции вокативов преобладают следующие термины родства: чеч.: *да, дада*; инг.: *да, даа, дади*; бацб.: *дад* «отец», «папа»; авар.: *дада* (диал. сев. наречия; карах. рис.; анц. том. бухн., анцр.); *инссо, энссо* (гид.); *диде* (анц. таш.), *дади* (андал. согр., бухт., шул.); *атта* (андал. шанг.), *деде* (анц. чад.; закат.) «папа»; дарг.: *дудеш, атта* (хайд.), *туттеш* (цудах.), *татте* (чираг.), *адай* (мегеб.), *адзи, ада* (урах.), *ттатти* (ицар.) «папа», «отец»; лак.: *ппу* «отец», *бутта, буттей* «папа»; *мамма, маммей* «папа, дедушка»; лезг.: *дах* «отец», *буба* «папа», «отец», *агъа* «отец»; таб.: *адаш* «отец», *даши* «отец», «папа», *гага, авай, аба* «папа».

В диалектах табасаранского языка функционирует большое количество лексем, репрезентирующих понятие «отец», «папа»: *адаш, авай, аба къадаш, даши, даха, гага, гагай, гагар*. Все эти лексемы употребляются в вокативной функции. В табасаранском языке номинативная форма *адаш* «отец» в вокативной функции приобретает форму *адашди*, как правило, обращения сопровождаются вокативным междометием *я*: *я адашди! я гага(й), я авай, я аба* «папа!». Термин *аба* «папа», «отец» выражает также значение «дед», «дедушка», как и в лакском *мамма, маммей* «папа, дедушка». При употреблении вокатива *аба* для обращения к дедушке, как правило, употребляют в препозиции прилагательное *ахью* «старший», «большой», например: *ахью аба* «дедушка», букв. «большой папа». Термин *аба* может применяться в вокативной функции вместо имени собственного, в случаях, когда внуку дают имя покойного деда.

Многообразны также обращения детей к матери: чеч.: *нана, нани*; инг.: *нани, нана*; бацб.: *нан*; авар.: *баба* (диал. сев. наречия, анц. чад.; н.-карах.), *эбел* (андал. салт., куяд.; анц. чад., тлян.), *ибел* (в-карах.); *эбе* (гамс., кахиб., келеб.), *буба* (анц. таш., бухн., анцр.), *бабу* (андал. бухт., сугр., шул.); дарг.: *неш, аба, баба, адай*; лак.: *нину, баба, бава, бабей, дада, дадей, ажа* (арак.); лезг.: *бах, диде, дада*; таб.: *дада, ана* «мать, мама». Термин *адай* в урахинском диалекте даргинского языка означает «мама», а в мегебском диалекте – «папа».

В лакском языке вокатив *бава* может употребляться и в значении «бабушка», «бабуля», но гораздо реже, чем лексема *дада* «мама», которая часто употребляется и при обращении к бабушке. Лексема *бава* «мама» чаще употребляется в функции обращения к бабушке в форме сочетания *хъунна бава* «бабушка (букв. «большая мама»)». В лакском языке имеются и другие лексемы с семантикой «бабушка», это литературные: *аму* и *ада*, диалектные *гъану* (кулинск.) и *амла* (вицхинск.), все они употребляются и в вокативной функции. Употребление лексемы *нину* «мать», «мама» в вокативной функции крайне ограничено.

В нахских языках, в отличие от дагестанских (в которых представлены достаточно разнородные термины), сохранились сходные формы, обозначающие термин «мама»: чеч.: *нана, нани*; инг.: *нани, нана*; бацб.: *нан*.

Обращения родителей к своим детям младшего возраста и взрослым детям также в различных языках и в разных культурах оказываются достаточно разнообразными. В обращениях родителей к детям применение терминов чеч.: *клант, воI*; инг.: *воI*; бацб.: *вохI, клант*; авар.: *вас*; лак.: *арс, оьурчI*; дарг.: *уриш*; лезг.: *гада, хва*; таб.: *бай* «сын»; чеч.: *йол*; инг.: *йол*; бацб.: *йохI*; авар.: *яс*; лак.: *душ*; дарг.: *рурси, гисси* (хайд. диал.); лезг.: *руш*; таб.: *риш* «дочь» различается в исследуемых языках. В аварском, лакском и даргинском семейном дискурсах применение терминов авар.: *вас*, лак.: *оьурчI*, дарг.: *уриш* и авар.: *яс*, лак.: *душ*, дарг.: *рурси* достаточно ограничено. Термины «сын» и «дочь» если и применяются, то, как правило, в сочетании с притяжательным местоимением авар.: *дир* «мой, моя»: *дир вас* «мой сын», *дир яс* «моя дочь»; лак.: *ттул душ* «моя дочь», *ттул оьурчI* «мой сын»; дарг.: *дила рурси* «моя дочь», *дила уриш* «мой сын» и т.д. В лезгинском и табасаранском языках к ним прибавляется еще вокатив лезг.: *чан*, таб.: *джан* и вокативное междометие *я* «эй», например: лезг.: *я, руш* «эй, дочка», *я, чан руш* «доченька», букв.: «эй, душа дочка»; таб.: *я, риш* «эй, дочка», *я, джан риш* «доченька», букв.: «эй, душа дочка» и т.д.

В нахско-дагестанских языках нет гипокористических обращений, таких как *доченька, дочурка, сыночек, сынуля* и т. п. От терминов родства «сын» и «дочь» в нахско-дагестанских языках редко образуются уменьшительно-ласкательные формы, например: *вацц-а-ко* «братик», *йацц-а-ко* «сестренка». Чаще, чтобы передать более нежные отношения, применяют различного рода сочетания вокативов.

В некоторых дагестанских семьях, живущих в городах, для придания соответствующим обращениям дополнительного вокативного веса и увеличения их иллюкутивной силы употребляют заимствованный из русского языка уменьшительно-ласкательный суффикс *-ка*, например: лак. *уссей* «брат» – *уссей-ка* «братик», «братишка»; лезг. *дах* «отец» – *дах-ка* «папочка», *бах* «мама» – *бах-ка* «мамочка». Употребление таких форм вокативов формирует комфортные условия общения, и поддерживают позитивный контакт.

Анализ обращений, применяемых детьми по отношению к родителям и родителями по отношению к детям, позволяют сделать вывод о высокой эмоциональности дискурса родителей и детей.

Слова с низким вокативным потенциалом имеют ограниченные вокативные возможности. Однако каждый язык располагает рядом специальных «вокативизирующих средств», применение которых позволяет значительно расширить вокативные возможности лексем с низким вокативным потенциалом. Функцию вокативизирующих средств в нахско-дагестанских языках выполняют вокативные междометия, притяжательные местоимения, гораздо реже – заимствованный из русского языка уменьшительно-ласкательный суффикс и политесные слова, типа: *дорогой*, *милая* и т.д.

В разделе 2.2. – «*Термины свойства в качестве вокативов*» – исследуются референтивные термины приобретенного родства, применяемые в качестве вокативов во внутрисемейном общении исследуемых языков. Термин чеч.: *нус*, инг.: *нус*, бацб.: *нус*; авар.: *нус*, *нусай*; дарг.: *гелемеш*; лезг.: *свас*, таб.: *сус*; лак.: *жалин* «невестка» применяется для обозначения жены сына, внука, правнука, жены племянника и т.д. Во всех нахских языках и в аварском языке для обозначения невестки применяется слово *нус*. В лезгинском и табасаранском языках также применяются материально родственные термины – *свас* и *сус*. В даргинском и лакском языках для номинации снохи применяются описательные термины, представляющие собой сочетания слов «сын (род. п.) + жена (ном. п.)»: дарг. *дурхIяла хьунул* «сноха», «невестка», букв. «сына жена»; лак. *арснал цар* «сноха», «невестка», букв. «сына жена». В лакском языке функционирует также термин *жалин* «невеста», «новобрачная» – заимствование из тюркских языков.

Для обозначения понятия «зять» в исследуемых языках применяются следующие термины: чеч.: *нуц*; инг.: *найц*, *нейц*; бацб.: *сидже*; авар.: *дури*; лак.: *куяв*; дарг.: *куяв*; лезг.: *йезне*, *язна*; таб.: *язна*, *гияв*. Чеченский, ингушский и аварский термины обнаруживают материальное сходство. Бацбийский язык заимствовал термин *сидже* «зять» с грузинского языка. Лакский и даргинский языки заимствовали термин *куяв* «зять» с кумыкского языка. Лезгинский и табасаранский – с тюркских языков. В некоторых говорах даргинского языка употребляется фонетический вариант *гуяв* (>*куяв*). В чирагском диалекте даргинского языка употребляется термин *нуца*, а в мегинском – *дури*, заимствованный с аварского языка.

В чеченском языке гендерное различие в семейном дискурсе проявляется в выборе вокативов для обращения к ближайшим родственникам мужа и жены. Муж может себе позволить называть как родителей, так и других родственников жены их собственными именами. Однако для жены – это табу. Жена не имеет права называть родителей мужа и других его родственников их собственными именами.

Коммуникативные акты, реализуемые в рамках семейного дискурса, находятся в прямой зависимости от статуса, возрастных характеристик и степени родства коммуникантов. Выбор той или иной формы вокатива зависит от статуса адресата в семейной иерархии (статус отца выше статуса матери, статус старших по возрасту детей выше статуса младших, статус сына, выше статуса дочери и т.д.). Для достижения запланированного перлокутивного эффекта применяются специальные маркеры вежливости. Такими маркерами в исследуемых языках являются: притяжательные местоимения, прилагательные качественной оценки лица, различного рода модальные частицы, вокативные междометия, прилагательные, характеризующие нежные отношения адресанта к адресату и т.д. Применение упомянутых выше средств обеспечивает достижение запланированного перлокутивного эффекта.

В разделе 2.3. содержится *структурная характеристика терминов родства, обслуживающих семейный дискурс*. С точки зрения структурной организации термины родства в нахско-дагестанских языках делятся на простые, производные и составные (описательные), состоящие из сочетания двух и более терминов. Простые термины родства и свойства – это слова исконного происхождения. В целом состав терминов простых с точки зрения структурной организации по всем исследуемым языкам совпадает. Это термины, обозначающие членов семьи, образующих ядро концепта «семья», такие как: «мать», «отец», «сын», «дочь», «брат», «сестра», «муж», «жена», «невестка», «зять».

Составные термины родства в исследуемых языках представлены следующими названиями: дедушка/бабушка: чеч.: *деда* «папин отец», *ненада* «мамин отец», *воккхадада* «большой отец», *йоккхабаба* «большая бабушка»; авар.: *кIудада* «большой отец», *дахIабаба* «бабушка» (ласковое обращение); дарг.: *хала дудеш* «дедушка» (букв. «большой отец»), *хала неш* «бабушка» (букв. «большая мама») (ицар.): *хаттай* «дедушка», *хабай* «бабушка»; лак.: *хъунна бава* «большая мама», *ниттил нину* «мамина мама», *мяммал дада* «папина мама»; лезг.: *чIехи диде* «бабушка» (букв. «большая мама»), *чIехи буба* «дедушка» (букв. «большой отец»); таб.: *аьхю аба* «дедушка» (букв. «большой папа»), *аьхю баб* «бабушка» (букв. «большая мама»).

Производные термины родства представлены следующими названиями:

а) двоюродные брат/сестра: чеч.: *иича* «кузен» со стороны матери и отца; инг.: *иича* «кузен» со стороны матери (кузен со стороны отца – *даьвеши воI* (букв. «сын дяди по отцу»)); авар.: *ваццIал / йаццIал*); дарг.: *удзихъар / рудзихъар*;

б) внук/внучка: таб.: *худул* «внук», «внучка», *гудул* «правнук», «правнучка», *цIудул* «праправнук», «праправнучка».

Составные или описательные термины родства состоят из сочетания двух или более терминов. Как правило, это лексемы, обозначающие:

а) родителей отца и матери: чеч.: *ден деда* «отец деда», «прадед по мужской линии», *ден ненада* «отец бабушки», «прадедушка по мужской линии», *ненан ненада* «отец бабки по женской линии», *тайпанан да* «праотец, прародитель», *деваши* «дядя, брат отца», *деда* «отец отца»; инг.: *даь нана* «бабушка» (букв. «отца мама»), *наьна нана* «бабушка» (букв. «матери мама»), *даь да* «дедушка» (букв. «отца отец»), *наьна да* «дедушка» (букв. «матери отец»); лезг.: *чIехи диде* «бабушка» (букв. «большая мама»), *чIехи буба* «дедушка» (букв. «большой отец»); таб.: *аьхю аба* «дедушка» (букв. «большой папа»), *аьхю баб* «бабушка» (букв. «большая мама»); дарг.: *хала дудеш* «дедушка» (букв. «большой отец») и т. д.;

б) приобретенных родственников: чеч.: *марда* «свекор» (букв. «муж + отец»), *марнана* «свекровь» (букв. «муж + мама»), *марваши* «деверь» (букв. «муж + брат»), *маьрийиша* «золовка» (букв. «мужа сестра»), *стунда* «тесть» (букв. «жены отец»), *стуннана* «теща» (букв. «жены мама»), *стунваши* «шурин» (букв. «жены брат»), *стунийиша* «свояченица» (букв. «жены сестра»); инг. *маьр да* «свекор» (букв. «муж + отец»), *маьр нана* «свекровь» (букв. «муж + мама»), *уст-нана* «теща» (букв. «жена-мама»), *уст-да* «тесть» (букв. «жена - отец»), *уст воша* «деверь» (букв. «жены брат»), *маьр воша* «деверь» (букв. «мужа брат»); бацб.: *мардад* «свекор» (букв. «муж + отец»), *марнан* «свекровь» (букв. «муж + мама»); авар.: *вакьад-эмен* «свекор» (букв. «свекор + отец»), *йакьад-эбел* «свекровь», (букв. «свекровь + мама»); таб.: *сижар аба* «тесть», «свёкор», *сижар баб* «тёща»;

в) родителей: чеч.: *да-нана* (букв. «отец-мать»); инг.: *да-нана* (букв. «отец-мать»); бацб.: *дад-нан* (букв. «отец-мать»), *нан-дад* (букв. «мать-отец»); авар.: *эбел-эмен* (букв. «мать-отец»); лак. *нину-ппу* (букв. «мать-отец»); дарг.: *неиш-дудеш* (букв. «мать-отец»), но в ицаринском говоре: *ттатти-ваба* «отец-мать»; лезг.: *диде-буба* (букв. «мать-отец»); таб.: *абжур-бабар*. (букв. «деды + бабки»), *аба на баб* (букв. «отец-мать») и т. д.

Применение того или иного термина родства в качестве обращения определяется не языковыми особенностями, а культурными традициями. Наибольшим вокативным весом обладают термины родства: «мама», «папа», «бабушка», «дедушка». Данные термины отличаются самым большим диапазоном иллюкутивной силы – от нейтрального до гипокористического.

Третья глава «Антропонимы, андронимы, зоо- и фитоморфизмы в функции вокативов», состоит из семи разделов.

Речевой этикет носителей нахско-дагестанских языков основывается на универсальных морально-этических нормах, таких как почитание родителей, уважение к старшим, забота о младших членах семьи, взаимная выручка и пр. Однако степень сохранения и соблюдения этих норм в различных культурах –

разная. Этнокультурные традиции и морально-этические принципы, по которым живет каждая конкретная семья, оказывают самое непосредственное воздействие на употребление конкретных вокативов для внутрисемейного общения.

В разделе 3.1. исследуются *антропонимы как средство обращения в семейном дискурсе*. Антропонимы (имена собственные) являются универсальными обращениями, распространенными во всех типах дискурсов, не только в семейном дискурсе. Личные имена обнаруживают максимальный вокативный потенциал, сфера их применения включает самые разнообразные коммуникативные акты.

Позиция обращений в структуре пропозиции определяется двумя факторами: лексической семантикой вокативов и выполняемой ими прагматической функцией. Имя собственное в функции обращений выполняет две основные задачи: 1) привлечение внимания; 2) поддержание контакта. При использовании личного имени в функции привлечения внимания всегда имя собственное во всех языках исследования занимает препозицию: чеч.: *Рамзан, хьо мичахь вара?*; инг.: *Рамзан, хьо мичахь вар?*; авар.: *Рамазан, мун кив вукIарав?*; дарг.: *Рабадан, хIу чинав уириу?* лак. *Рамазан, ина чув уссияв?*; таб.: *Рамазан, (уву) ноан айва?* «Рамазан, ты где был?».

Во всех нахских и дагестанских языках постпозитивное использование личного имени в качестве вокатива выполняет несколько функций: 1) установления контакта; 2) функцию идентификации адресата в коммуникативном пространстве; 3) экспрессивную функцию, которая усиливает тон побуждения. Вокатив в конце предложения интонационно слабо выделяется: чеч.: *Хьайн дог дика дойла хьан, Iали!*; инг.: *Хьай дог дика долда хьа, Iали!*; авар.: *РакI боххаги дур, ГIали!*; дарг.: *ХIела уркIи разибиаб, ГIяли!*; лак.: *Вил дакI ххари хьуннав, Аьли!*; таб.: *ЮкIв шад ибширияв, Аьли!* «Да возрадуется сердце твое, Али!».

В современных нахско-дагестанских языках можно выделить несколько общих способов образования гипокористических форм личных имен, возникших под влиянием русского языка. Формы имени собственного, образованные посредством деминутивных суффиксов, наряду с основной вокативной функцией реализуют также оценочно-характеризующую функцию. Они репрезентируют достаточно высокую степень эмоциональной близости коммуникантов. Аффиксальные вариации имен собственных указывают также на душевную привязанность коммуникантов.

В разделе 3.2. исследуются *андронимы в качестве средств обращения*. В дагестанских языках имеет место вокативное использование андронимов – именовании жены по имени супруга. Для дагестанских языков характерно создание андронимов на базе имени мужа, например: авар.: *МахIмуд-и-лай* «жена Махмуда», *ГIиса-лай* «жена Исы», *ГIумар-илай* «жена Омара»; таб.: *МахIмуд+инур* «жена Махмуда»; *Камал+инур* «жена Камала»; лак.: *Аьли-хьай* «жена Али», *Абачара-хьай* «жена Абачары» и т.д.

В разделе 3.3. исследуются *зооморфизмы в качестве средств обращения*. В семейном дискурсе того или иного народа в функции обращений могут выступать зооморфизмы, основанные на стереотипах данной национальной культуры. Преобладающее большинство зооморфизмов, обслуживающих семейный дискурс нахско-дагестанских языков, совпадает. Иллокутивная функция зооморфизмов в качестве обращений состоит в демонстрации ласковых, нежных (гораздо реже – негативных, неприязненных) чувств к коммуниканту. Зооморфизмы, демонстрирующие позитивные качества, положительные черты характера, применяются с целью создания комфортных условий коммуникации, для поддержания позитивного контакта. Наиболее часто применяемые в качестве обращений родителей к детям (чаще бабушек к внукам) зооморфизмы это: чеч.: *Іахар* «ягненок», *буьхьиг* «козленок», *борз* «волк», *чайтаІ* «медвежонок», *тІаус* «павлин», *чІегІардиг* «ласточка», *хьоза* «воробей», *йалсаманин хьоза* «райская птица», *бІаьстенан хьоза* «вешняя птица (воробей)», *дашо хьоза* «золотой воробей», *леча* «сокол», *аьрзу* «орел», *куьйра* «ястреб», *котаман кІорни* «цыпленок»; авар.: *кьегІер* «ягненок», *ххухх* «годовалый ягненок», *бурутІ* «козленок», *мокьокь* «куропатка», *лачен* «сокол»; дарг.: *цІуба мукьара* «белый ягненок», *арцІа лагьа* «серебряная голубка», *бецІ* «волк»; лак.: *чи* «ягненок», *гада* «козленок», *барцІ* «волк», *цухьлул оьрчІ* «медвежонок», *лачин* «сокол», *кьиргьу* «ястреб», *кьиргьулул яру* «ястребиные глаза (глаза ястреба)»; лезг.: *джейран* «косуля», *чан зи джейран* «милая моя косуля», *чубарук* «ласточка», *чан зи чубарук* «милая моя ласточка» и т. д.

Часто родители (чаще матери и бабушки) обращаются к детям, особенно к младшим, названиями красивых птиц, которые привлекают ярким оперением или изяществом: чеч.: *хьоза* «воробей», *чІегІардиг* «ласточка», *кхокха* «голубь», *леча* «сокол», *тІаус* «павлин», *котаман кІорни* «цыпленок», *дашо хьоза* «золотая птица», *йалсаманин хьоза* «райская птица», *аьрзу* «орел», *куьйра* «ястреб»; авар.: *зодил тІавус* «небесная пава», *мильиришо* «ласточка», *мокьокь* «куропатка», *микки* «голубь», *хІинчІ* «птичка», *бул-бул* «соловей»; дарг. *кьакьба* «куропатка», *дила чатІа* «ласточка моя», *дила лагьа* «моя голубка», *кьум лавгьа* «голубка», *чяка* «птичка», *лачин* «соколик», *дурхІа лачин* «соколенок», *тІума* «сокол», *дила хІебла чатІа* «моя весенняя ласточка», *чІака* «орел», *кьарчигьа* «ястреб», *лачин* «сокол», *тІавуз* «пава», *булбул* «соловей»; лак.: *кьахьну* «куропатка», *кІялахьхьи* «(белая) голубка», *читІу* «ласточка», *читІул оьрчІ* «птенец ласточки», *булбул* «соловей»; лезг. *кард* «сокол», *кьвед* «куропатка».

Иногда названия птиц сопровождаются различного рода эпитетами, демонстрирующими расположение, нежность, симпатию, любовь и т.д. к коммуниканту, которые усиливают иллокутивную функцию зооморфизмов в качестве обращений. Уважительное отношение членов семьи друг к другу в нахско-дагестанских культурах носит универсальный характер.

В разделе 3.4. исследуются *фитоморфизмы в качестве средств обращения в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков*. Наиболее

характерными обращениями к девочкам, особенно младшего возраста, являются названия цветов: чеч.: *зезаг* «цветок», *ровзан* «роза», *петламат* «мак», *банпа* «одуванчик», *ламзезаг* «эдельвейс», букв. «на скале цветок», *тобалкх* «фиалка», *лайса* «подснежник», *жовжан* «лилия»; авар.: *тIегь* «цветок», *тIогьол квацIи* «букет цветов», *кьурультIегь* «эдельвейс», букв. «на скале цветок», *манарша* «фиалка», *гIадра (тIегь)* «подснежник»; дарг.: *жагал алхъчуп вава* «красивый горный цветочек», *вава* «цветок», *гац* «шиповник», *лукIлукIи* «бегун», *вавнала хала* «букет цветов», *гигала кьанIа* «мак», *алхъа чуп вава* «лилия»; лак. *тIутIи* «цветок», *тIутIал кацI* «букет цветов», *муруллул тIутIи* «эдельвейс», букв. «на скале цветок», *банавша* «фиалка», *дараччи* «подснежник», *хъункIул тIутIи* «цветок шиповника» и т. д.

Название фиалки в качестве апеллиатива применяют почти все носители нахско-дагестанских языков, в некоторых языках оно уже стало женским личным именем, например: у аварцев – *Манарша*, у даргинцев – *Манаша*, у лезгин – *Беневша* «фиалка» и т.д. Иллокутивная функция эмоционально-оценочных обращений заключается больше в демонстрации нежных чувств к коммуниканту, нежели в привлечении внимания. В этом плане эмоционально-оценочные апеллиативы отличаются от терминов родства, примененных в качестве обращений.

В разделе 3.5. исследуются эмоционально-оценочные обращения в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков. Эмоционально-оценочные обращения однотипны во всех исследуемых языках, в основном, это названия драгоценных металлов или изделий из драгоценных металлов: чеч.: *деши* «золото», *дети* «серебро», *жовхIар* «жемчуг», *маржан* «коралл», *алмаз* «алмаз», *мармар* «мрамор»; авар.: *месед* «золото», «золотце», *якьут* «яхонт», *гIарац* «серебро», *жавгьар* «жемчужина», *гIарцул гъветI* «серебряное дерево»; лак.: *ятIул муси* «красное золото»; *мусил кIичI* «золотая пуговица», *арцул кьурици* «серебряная шкатулка», *ятIул мусил жайран* «золотистый джейран», *мусил хъюрт* «золотце», букв. «золотая груша»; лезг.: *зумруд* «изумруд», *якьут* «яхонт», *маржан* «жемчуг», *мармар* «мрамор»; дарг.: *мургыла гажин* «золотой кувшин», *мургыла гажин* «золотой кувшин», *арцIа гажин* «серебряный кувшин», *арцIа лагьа* «серебряная голубка».

Вокативы, составляющие названия драгоценных камней и металлов, настолько активно используются в нахско-дагестанских языках, что часть из них стала личными именами, например: *Алмаз*, *Гумюш*, *Деши*, *Дети*, *Дурия*, *Зумрат*, *Зумруд*, *Фируза*, *ЖовхIар*, *Маржан*, *Мерджан*, *Якьут* и другие. Иллокутивная функция эмоционально-оценочных обращений заключается больше в демонстрации нежных чувств к коммуниканту, нежели в привлечении внимания.

В разделе 3.6. исследуются притяжательные местоимения в составе обращений. Притяжательные местоимения занимают большое место и играют важную роль в апеллиативном вокабуляре семейного дискурса. Притяжательные местоимения сопровождают не только эмоционально-оценочные апеллиативы,

но и почти все языковые средства, выступающие в качестве вокативов в семейном дискурсе. Притяжательные местоимения в нахско-дагестанских языках относятся к специальным маркерам вежливости, которые следует применять для достижения запланированного перлокутивного эффекта, например, лак.: *Багъишла ува, ттул нину*. «Прости, мамочка (букв. моя мама)». Использование притяжательных местоимений, как и других специальных «вокативизирующих средств», позволяет существенно расширить вокативные возможности лексем с низким вокативным потенциалом.

В разделе 3.7. исследуются *вокативные междометия*. В нахских языках не наблюдаются гендерные разграничения в употреблении вокативных междометий, так, чеч. *хIей* «эй», инг. *йэй* «эй» применяются как для оклика мужчин, так и для оклика женщин. В большинстве дагестанских языков не только вокативные, но и некоторые эмоциональные местоимения также носят гендерно маркированный характер. Русскому междометию «эй» в дагестанских языках соответствуют: авар. *ле*, лак. *да*, дарг. *гъуй* (диал.: *гъей*, *жей*) для оклика мужчин и авар. *йо*, лак. *ил*, дарг. *ъей* (диал.: *жав*) для оклика женщин.

Характерной особенностью исследуемых языков является использование различных формул благопожеланий и проклятий в вокативной функции. Благопожелания и злопожелания могут выступать в функции обращений при наличии определенных прагматических условий. Благопожелания употребляются в вокативной функции с целью создания комфортных условий коммуникации и для поддержания позитивного контакта. Иллокутивная функция злопожеланий или проклятий в качестве обращений состоит в демонстрации негативных, неприязненных чувств к коммуниканту.

В **заключении** подводятся основные итоги проведенного исследования, даются краткие обобщающие выводы, очерчиваются **перспективы дальнейшего исследования**. Дальнейшее изучение вокативов, обслуживающих семейный дискурс нахско-дагестанских языков будет способствовать расширению наших представлений о мировоззрении, нравах, культуре и обычаях носителей этих языков.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

1. Хачукаева, М. Я. К вопросу о гендерной асимметрии в сфере речевого этикета (на материале нахско-дагестанских языков) / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Современный ученый. – 2017. – № 7. – С. 233–236.

2. Хачукаева, М. Я. Эмоционально-стилистические особенности вокативов в нахско-дагестанских языках, обслуживающих общение супругов между собой / М. Я. Хачукаева., Р. Ш. Халидова. – Текст : непосредственный

// Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2018. – № 12 (2). – С. 87–91.

3. Хачукаева, М. Я. Лингвокультурологические особенности традиционных этикетных формул, обслуживающих семейный дискурс в нахско-дагестанских языках / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры и образования. – 2019. – №2 (75). – С. 513–515. (K1)

4. Хачукаева, М. Я. Деминутивы в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Вестник ДНЦ РАН. – 2023. – № 89. – С. 47-50. (K2)

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

5. Хачукаева, М. Я. Гендерная маркировка междометий в нахско-дагестанских языках / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Языки народов мира и Российской Федерации. – Махачкала : ДГУ, 2017. – С. 248–251.

6. Хачукаева, М. Я. Термины родства, функционирующие в качестве средств адресации в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. – 2017. – № 12. – С. 87–91.

7. Хачукаева, М. Я. Проявление гендерных различий в речевом этикете нахско-дагестанских языков / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи : материалы VI Международной научной конференции, памяти выдающегося кавказоведа, академика А. С. Чикобава (1898-1985). – Махачкала : Алеф, 2018. – С. 377–382.

8. Хачукаева, М. Я. К вопросу о частеречном статусе терминов родства, употребленных в функции вокативов / М.Я. Хачукаева // Материалы V Международного симпозиума лингвистов-кавказоведов, посв. 120-летию со дня рождения академика А. С. Чикобава. – Тбилиси, 2018. – С. 206–207.

9. Хачукаева, М. Я. Антропимы в качестве вокативов в языках различных культур / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. – 2018. – № 13. – С. 121–123.

10. Хачукаева, М. Я. Термины приобретенного родства (свойства) в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков / М. Я. Хачукаева., Р. Ш. Халидова. – Текст : непосредственный // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. – 2018. – № 71. – С. 77–82.

11. Хачукаева, М. Я. Особенности вербального и невербального этикетного общения чеченцев и дагестанцев-билингвов / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Материалы I Международной

научной конференции «Языки и культуры народов России и мира». – Махачкала, 2019. – С. 479–482.

12. Хачукаева, М. Я. Эмоционально-оценочные вокативы в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Материалы Международной научно-практической конференции «Сохранение и развитие языкового наследия в поликультурной образовательной среде». – Майкоп, 2021. – С. 55–59.

13. Хачукаева, М. Я. Обращение в функции «оператора» семейного дискурса в чеченском речевом этикете / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Материалы Межвузовской студенческой научно-практической конференции «Наука молодых: актуальные вопросы филологии». – Махачкала : ДГПУ, 2024. – С. 75–80.

14. Хачукаева, М. Я. Традиционные формулы коммуникации между супругами (на материале нахско-дагестанских языков) / М. Я. Хачукаева. – DOI: 10.34775/o2359-8216-2055-w. – Текст : непосредственный // Родные языки: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Махачкала : ДГПУ им. Р. Гамзатова, 2024. – С. 53–57.

15. Хачукаева, М. Я. Нохчийн-дегӀастанан доьзалийн дискурсан вокативаш (Вокативы в нахско-дагестанском семейном дискурсе) / М. Я. Хачукаева, А. Д. Вагапов – Текст : непосредственный // Дешериевские чтения – 2025: материалы Международной научной конференции. – Грозный: ЧГУ им. А. Х. Кадырова, 2025. – С.185–194.

16. Хачукаева, М. Я. Къамелан этикетан сферехь гендеран асимметрин хаттарх лаьцна (вайнехан дегӀастанхойн меттанийн бух тӀехь) / (К вопросу о гендерной ассиметрии в сфере речевого этикета (на материале нахско-дагестанских языков) / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Таллам НР Ӏилманийн академин Ӏилманан-дешаран тептар, № 2(39). – Грозный, 2025. – С. 60–63.